18+

Татьяна Ананьева

Любовь в летнем саду

Роман. Продолжение. Возмездие.

Татьяна Ананьева

Любовь в летнем саду. Роман. Продолжение. Возмездие

«Издательские решения»

Ананьева Т.

Любовь в летнем саду. Роман. Продолжение. Возмездие / Т. Ананьева — «Издательские решения»,

Во все времена работа следователей была очень опасна, так как борьба с преступностью, с внутренним врагом не менее опасна, чем борьба с внешним врагами.

© Ананьева Т.
© Издательские решения

Содержание

И тут время остановилось 6
Он жив. 7
Егор её не узнал 8
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Любовь в летнем саду
Роман. Продолжение. Возмездие

Татьяна Ананьева

© Татьяна Ананьева, 2026

ISBN 978-5-0071-6331-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Годы, прошедшие со дня гибели Михаила, не притупили боль, а лишь отлили её в глухую, звенящую сталь. Всё это время Маша жила чужой жизнью — жизнью Михаила, пытаясь по крупицам собрать правду о его последнем дне. Кто его предал? Кто нажал на курок в той пыльной сирийской ночи? Ответ должен был крыться там, в лабиринтах связей на авиабазе Хмеймим. Кто-то из своих, имевший выход на высокие кабинеты и темные сделки, сдал его группу.

Свет в её беспросветном существовании появился вместе с дочерью — маленькой копией Михаила, в чьих глазах цвета мокрого асфальта Маша каждый день видела его лицо. Девочка стала её якорем, единственной причиной дышать, когда хотелось просто лечь и раствориться в прошлом.

Очередное задание привело её в элитный загородный ресторан «Сосновый бор», спрятанный в глубине старого леса в сорока километрах от Москвы. Заведение работало под прикрытием закрытого охотничьего клуба для бывших силовиков и теневых дельцов — идеальное место, чтобы затеряться и послушать чужие разговоры.

Маша въехала на парковку, плотно утрамбованную мокрым весенним снегом. Воздух здесь пах иначе, чем в городе — прелой листвой, горьковатым дымом из каминных труб и озоновой свежестью после недавнего дождя. Само здание ресторана напоминало швейцарское шале: массивный сруб из вековых карельских сосен, почерневший от времени, с широкими панорамными окнами, за которыми мерцал теплый янтарный свет.

Внутри царил полумрак, разгоняемый лишь трескучим огнем в двух огромных каминах. Пахло жареным мясом, можжевельником и дорогим табаком. Тяжелые дубовые балки под потолком, шкуры на стенах, тихий гул приглушенных мужских голосов. Маша заняла свой привычный наблюдательный пункт — высокий барный стул в самом углу, спиной к стене. На ней был строгий серый костюм официантки, но под накрахмаленной рубашкой угадывались очертания скрытой кобуры.

Она методично протирала бокалы, скользя невидящим взглядом по залу: по холеным лицам мужчин, лениво обсуждающих поставки, по тяжелому хрусталю на их столах, по отблескам огня на серебряных ножах. Рутина наблюдения давно стала для неё второй кожей, способом отгородиться от зияющей пустоты внутри.

И тут время остановилось

За столиком у панорамного окна, выходящего на заснеженное поле для гольфа, сидел он. Егор.

Прошло почти десять лет, но Маша узнала бы его из тысячи. Время лишь щедро добавило ему шрамов и жесткой седины на висках, превратив мальчишескую резкость черт в волчью, уверенную стать. Он сильно осунулся, под глазами залегли тени, которые не спрятать ни за какими темными очками. Он сидел вполоборота, и Маша видела старый, едва заметный шрам на его шее — метку той самой операции. Перед ним стоял стакан с янтарным виски, к которому он не притрагивался, и раскрытый ультрабук с какими-то графиками.

Внутри Маши в этот миг произошел тектонический сдвиг.

Сначала мозг просто отказался обрабатывать информацию. Это сбой, оптическая иллюзия, игра уставшего разума. Она видела сотни лиц за эти годы, и в каждом на долю секунды ей мерещился Михаил или его призраки. Но глаза не лгали. Мозг узнал его раньше, чем сердце успело дать команду, и холодный, липкий ужас мгновенно парализовал её волю.

Сердце пропустило удар, а потом рухнуло куда-то в ледяную пропасть. Кровь отхлынула от лица, в ушах возник тяжелый, давящий гул, отсекающий звуки ресторана. Ей показалось, что массивные дубовые балки потолка сейчас рухнут и раздавят её. Руки, державшие полотенце, мелко задрожали, и стекло бокала в её пальцах предательски звякнуло о поднос, стоявший на барной стойке. Звук показался ей пушечным выстрелом. Она впилась ногтями в ладонь, чувствуя, как острая физическая боль едва пробивается сквозь ватное, шоковое оцепенение.

Он жив.

Эта мысль взорвалась в сознании не радостью, а осколочной гранатой. Десять лет она мысленно хоронила Егора. Десять лет его имя стояло в её личном списке мертвых рядом с именем Михаила. Она годами выстраивала свою личность вокруг статуса вдовы, вокруг гранитной плиты, на которой не было его тела. Если Егор жив, значит, гранит — фальшивка. Значит, её горе, её единственная связь с мужем — это просто декорация, за которой скрывается нечто страшное.

Тот, кто уехал вместе с Михаилом в их последнюю командировку. Тот, чье тело так и не нашли в развалинах, кого давно похоронили в её сердце и вписали в списки пропавших без вести. Живой свидетель её разрушенной жизни.

Егор сделал глоток, поморщился и что-то коротко бросил в гарнитуру, едва заметную в ухе. Он выглядел собранным, хищным и абсолютно чужим в этом мире больших денег.

И в этот момент Маша почувствовала, как стальная хватка горя, сжимавшая её горло все эти годы, впервые дала трещину. Это была не радость. Это была острая, ядовитая, обжигающая надежда, от которой свело скулы.

Егор её не узнал

За эти годы она изменилась до неузнаваемости: коротко стригла когда-то длинные волосы, набрала вес после родов, её взгляд выцвел, а лицо осунулось от хронического недосыпа. Для него она была лишь очередной тенью в униформе, разносящей напитки.

Маша заставила себя выдохнуть. Воздух царапал пересохшее горло. Она сделала шаг назад, в спасительную тень барной стойки, пытаясь унять колотящееся о ребра сердце. Пальцы перестали дрожать, лишь впившись в ледяную металлическую полку под стойкой. Инстинкт самосохранения, годами спавший внутри, резко проснулся. Одно неверное движение, один затянувшийся взгляд — и человек, который, возможно, нажал на курок или продал координаты группы, исчезнет. Снова. На этот раз — навсегда.

Она медленно, стараясь не выдать себя ни единым движением, отвернулась к барной стойке, чтобы налить очередному гостю минеральной воды. Руки действовали механически, на чистых рефлексах, пока её сознание лихорадочно перемалывало реальность.

Теперь у неё появился шанс. Живой свидетель. Человек, который был там, в Хмеймиме. Человек, который знает, почему Михаил не вернулся домой к беременной жене.

Игра, которую она вела все эти годы ради памяти, внезапно превратилась в охоту ради правды. И дичь сама пришла в её ловушку. Маша поправила фартук, спрятала дрожь за профессиональной полуулыбкой и, взяв поднос, бесшумно двинулась вглубь зала, прямо к столику у окна. Она должна была услышать всё. Главное сейчас — не смотреть ему в глаза, иначе он прочтет в них десятилетнюю бездну отчаяния и поймет, что призрак из его прошлого только что материализовался с блокнотом для заказов.

Предательство Егора может быть многогранным: от прямого удара в спину до тихого, но не менее смертельного малодушия. Поскольку Маша ищет того, кто имел связи в Сирии (Хмеймим), мотив Егора, скорее всего, кроется в пересечении больших денег, геополитики и спасения собственной шкуры.

Вот несколько вариантов того, что именно мог сделать Егор, от самого очевидного до более глубокого и психологически сложного.

###1. Прямая продажа: «Золотой парашют» из крови

Егор был связистом или координатором группы. Он знал маршрут, частоты и время выхода на связь. За несколько часов до операции он передал эти данные третьей стороне — сирийским перекупщикам информации, работающим на террористов, или иностранной разведке.

* **Мотив:** Огромные деньги. Возможно, у него была безнадежно больна мать, или он проиграл крупную сумму, или просто захотел выйти из игры богатым человеком.

* **Связь с Хмеймимом:** Он передал данные через офицера с авиабазы, который «прикрыл» отсутствие сигнала в нужный момент.

* **Почему он жив:** Он инсценировал свою гибель в том же бою, бросив Михаила умирать, или его «отпустили» те, кто купил информацию, чтобы не плодить лишних свидетелей.

* **Как это видит Маша:** Для неё это самое страшное — убийство ради денег. Человек, который ел с её мужем из одного котелка, просто нажал кнопку «отправить» в мессенджере.

###2. Предательство через бездействие: «Слепой» ретранслятор

Егор не продавал группу напрямую. Но он знал, что канал связи, через который они должны были запросить эвакуацию, скомпрометирован. Его куратор с Хмеймима (высокопоставленный офицер) намекнул, что «возникнут сложности с вертолетами», если группа найдет то, что ищет (например, доказательства хищения гуманитарной помощи или работы «серых» схем).

* **Мотив:** Страх. Егор был на крючке у спецслужб или командования из-за какого-то прошлого греха (например, он случайно убил мирного жителя и скрыл это). Ему приказали «забыть» переключить частоту в критический момент.

* **Почему он жив:** Он выполнил приказ командования. Он — ценный, управляемый кадр, который умеет молчать.

* **Как это видит Маса:** Это предательство трусостью. Он не нажал на курок, но запер дверь изнутри, зная, что снаружи идут убивать.

###3. Идеологическое предательство: «Двойная игра»

Егор давно разочаровался в «официальной» линии. В Сирии он начал работать на себя или на частный военный консорциум. Группа Михаила случайно вышла на схрон или документы, которые Егор уже пообещал передать своим новым нанимателям.

* **Мотив:** Идеология или власть. Он решил, что государство его обесценило, и решил играть за сторону тех, кто платит больше и действует эффективнее (например, ЧВК или торговцев оружием).

* **Связь с Хмеймимом:** Он использовал ресурсы базы (транспорт, закрытые каналы связи) для координации со своими новыми хозяевами.

* **Почему он жив:** Он — двойной агент, который успешно легализовался в новой структуре. Его смерть в бою была выгодна всем, кроме него самого.

* **Как это видит Маша:** Он предал не только мужа, но и Родину, которой Михаил присягал.

###4. Личное предательство: «Последняя воля»

Самый болезненный для Маши вариант. У Егора был тайный роман с ней до её замужества или в самом начале. Когда группа попала в окружение, Михаил, умирая, передал Егору флешку (или отдал на словах) — доказательства коррупции генерала с Хмеймима. Он просил: «Передай Маше, только ей».

* **Мотив:** Жадность и ревность. Егор понимал: если Маша получит эти данные, она пойдет по инстанциям, и головы полетят очень высоко. Он решил спрятать концы в воду. Он стер данные, а Михаила и остальных оставил умирать, чтобы никто никогда не спросил, где доказательства.

* **Почему он жив:** Он вернулся и сказал, что Михаил погиб геройски, унеся секреты с собой в могилу. Стал «героем», сохранившим честь полка.

* **Как это видит Маша:** Он украл у неё не только мужа, но и правду о его гибели, заставив её годами жить во лжи.

###5. Предательство системы: «Козел отпущения» (Твист)

Егор не предавал. Он — единственный, кто выжил, потому что в момент нападения находился в стороне от основной группы (например, проверял периметр). Он видел, как группу накрыло огнем *своей же* артиллерии или авиации из-за ошибки штаба на Хмеймиме.

* **Мотив:** Выживание и сокрытие правды. Командование сделало его крайним. Ему дали выбор: сесть в тюрьму за «разглашение гостайны и потерю группы» или исчезнуть, взять новый паспорт и молчать.

* **Почему он жив:** Он взял вину на себя и стал призраком. Ресторан — это его прикрытие, но он находится под постоянным контролем спецслужб.

* **Как это видит Маша:** Если она узнает правду, её ненависть переключится с Егора на систему. Но пока она будет искать в нем убийцу, он будет смотреть на неё глазами затравленного зверя, который тоже потерял всё

Поскольку Егор её не узнал, Маша сейчас может наблюдать за деталями, которые выдадут его вину:

* **Если это страх (вариант 2):** Он слишком часто, параноидально оглядывается на вход, хотя внешне пытается играть вальяжного хозяина жизни. Он вздрагивает от громких звуков.

* **Если это деньги (вариант 1):** Он заказывает вино, которое не может себе позволить на зарплату «менеджера ресторана», или к нему подходит человек в неброском костюме, и они обмениваются взглядами, полными скрытого напряжения.

* **Если это идеология (вариант 3):** У него на руке может быть новая, странная татуировка, или он использует профессиональный сленг, который не знают гражданские, или слишком профессионально оценивает сектор обстрела из окна.

Для Маши встреча с ним — это момент, когда абстрактная «шкатулка с горем» превращается в конкретное лицо, которое можно ударить. Все это круилось в голове Маши, она перебирала все возможные варианты, чтобы понять как можно предать друга. С которым делили и кусок хлеба, и радость. И неудачи. И у Маши возникла мысль: «кто он такой вообще этот Егор? За кого он себя выдает? Необходимо было конкретно установить его личность, вплоть до экспертизы его «пальчиков». Но тут возник вопрос: «каким образом их получить?» Это стало главной задачей сейчас для Маши.

Маша заставила себя улыбнуться. Уголки губ дрожали, и она до боли прикусила щеку изнутри, чтобы удержать лицо. Егор — или тот, кто выдавал себя за него — расслабленно откинулся на спинку плетеного кресла. Он что-то увлеченно рассказывал про логистику поставок фермерских продуктов, жестикулируя ухоженными руками.

— Вам, наверное, тяжело после перелета? — голос Маши прозвучал ровно, почти заботливо. — Давайте я принесу вам кофе. Эспрессо? Или американо со сливками?

— Американо, — кивнул он, не прерывая монолога. — И, если можно, стакан воды. В горле пересохло.

Она ушла за барную стойку. Руки действовали механически: холдер в кофемашину, кнопка, глухой рокот помола. Пока машина фыркала паром, Маша смотрела на свои пальцы. План, родившийся секунду назад, был отчаянным, грязным и единственным. Экспертиза «пальчиков». Ей нужен был любой предмет, которого касалась его правая рука. Чашка подойдет идеально.

Она вернулась к столику. Поставила перед ним тяжелый стеклянный стакан с водой.

— Осторожно, стекло ледяное, — сказала она, наклоняясь, чтобы поставить дымящуюся чашку с кофе на картонный кружок.

Егор потянулся к американо. Его пальцы — длинные, с коротко стриженными ногтями, на костяшке правой руки старый, едва заметный шрам — сомкнулись на горячей керамике. Он сделал глоток.

Маша резко подалась вперед, словно оступилась.

— Ой! — вскрикнула она.

Ее локоть «случайно» ударил по краю подноса. Стакан с ледяной водой, который она держала во второй руке, опрокинулся. Вода хлынула на светлые брюки Егора, прямо на колени.

— Господи! Простите! Я такая неловкая! — Маша бросила поднос на свободный край стола и схватила со спинки кресла бумажную салфетку.

Егор дернулся, вскакивая.

— Да черт с ними, с брюками! — он попытался поймать ее за локоть, чтобы удержать. — Вы не обожглись?

Маша отшатнулась, пряча руки за спину.

— Нет-нет, это я виновата! Я сейчас всё вытру и принесу вам новую воду. И новый кофе, этот уже остыл от пара. Секунду!

Она метнулась к подносу. Одной рукой подхватила пустую чашку из-под американо, другой — мокрую салфетку, создавая суету. Егор, чертыхаясь, полез в карман за платком.

— Я мигом! — бросила Маша через плечо, уже скрываясь за дверью кухни.

Сердце колотилось где-то в горле. Она захлопнула дверь и прислонилась к ней спиной. На кухне никого не было — смена бариста начнется только через полчаса.

Маша не стала тратить время. Она сорвала со стойки первый попавшийся чистый полиэтиленовый пакет, в котором обычно выдают навынос приборы. Резким, почти злым движением она натянула его на правую руку, как медицинскую перчатку. Подцепила чашку изнутри за ушко. Главное — не касаться внешней поверхности, где остались идеальные, влажные от пара отпечатки его большого, указательного и среднего пальцев.

Она быстро, но плавно опустила чашку в пакет, дном вниз. Сунула руку в карман фартука, достала маркер и жирно черкнула на полиэтилене: *«Егор. Американо. 15:40»*.

Пакет отправился на самое дно ее рабочей сумки, под стопку чистых накрахмаленных скатертей.

Маша выдохнула. Глубоко, до головокружения. Вымыла руки ледяной водой, плеснула в лицо, смывая липкий пот страха. Достала из витрины новую чашку, налила свежий кофе, взяла новый стакан воды.

Она вышла в зал с приклеенной улыбкой.

— Ваш американо. И вода. Я всё вытерла, — она кивнула на его брюки. Пятно от воды уже высохло, оставив лишь едва заметный солевой след.

Егор, уже успокоившийся, снова улыбнулся ей той самой, открытой улыбкой, которую Маша когда-то так любила видеть у Михаила.

— Бросьте, пустяки. Главное, что вы не обварились.

Он снова взялся за чашку. Маша села за соседний столик делать вид, что заполняет журнал учета, а сама считала секунды, глядя на то, как его пальцы греются о керамику. Теперь у нее был ключ. Не от прошлого — от правды. И если понадобится, она отдаст эту чашку не в полицию. В России есть свои разработки — например, нанодисперсный порошок Томского политехнического университета, который позволяет снимать четкие отпечатки даже со сложных поверхностей. Она найдет способ передать улику тем, кто не позволит ей исчезнуть в архивах. Главное — донести сумку до машины, не выронить пакет и не сорваться прямо сейчас, не вцепиться ему в горло.

Маша уже почти выдохнула, мысленно прикидывая, как скоро она сможет отпроситься под предлогом завоза продуктов, чтобы заехать в лабораторию. Но воздух в зале вдруг сгустился, натянулся, как гитарная струна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.